

Желько ПЫРЖУЛЬ

Сербский писатель, поэт и журналист родился в 1964 году в общине Илиджа, являвшейся частью Сараево. Окончил строительный факультет Сараевского университета. С началом гражданской войны в Боснии и Герцеговине вступил в ряды сербских вооружённых формирований и после создания в мае 1992 года Армии Республики Сербской стал военнослужащим штурмового подразделения «Српска гарда» (Сербская гвардия). Сначала был рядовым бойцом, позже стал командиром, а затем — военным корреспондентом журнала «Дуга» из Белграда, газеты «Вечерни Новости» и других изданий. После окончания войны продолжил журналистскую работу. В 1995 году Желько Пыржунь выпустил свою первую книгу «Братья с улицы», в которой описал и мирную, и военную жизнь в общине Илиджа, а также боевой путь добровольческого подразделения «Српска гарда». Затем из-под пера автора вышло ещё более десяти книг.

Синяя бочка

Дворники новенького серого «Фольксваген Гольф» легко сбрасывали мелкие снежинки, которые мороз сыпал с сараевского неба. Машина уверенно поднималась по заснеженной дороге на Требевич. Четверо пассажиров автомобиля, молодые и весёлые, слушали музыку по радио и строили планы, что будут вечером делать в Белграде, в столице всех сербов. Им было жаль уезжать из Сараево, особенно парням, но они надеялись, что в Белграде быстро привыкнут к новой жизни. Девушки уже давно перебрались в Белград, уже говорят на белградском диалекте и частенько используют белградское «понимаешь» через слово, как там принято, а парни сдали оружие и на всей скорости легели в новую жизнь. Ещё одна война окончена! Пять лет на Балканах шла. Все радуются, почти все... Республике Сербской пришлось заплатить дорого за мир: 120 000 сербов из Сараево покидают то родное в городе, что удалось защитить во время войны.

За рулем был Слободан, он бубнил себе под нос: «Если меня ещё раз увидят с оружием, пусть проломают мне им череп — разрешаю».

Обычные при переселении проблемы с перевозом мебели и других вещей за них решали родители. Для троих родственники уже нашли дома в Рогатице и Вишеграде, боснийской провинции, и переселились туда, а у одной из девушек родители решили остаться в родном доме в Релеве. Её отец ещё до войны был инвалидом, поэтому в армию его не забрали. Она единственный ребенок у них и всю войну пережила в Сербии, поэтому у мусульман нет причин трогать кого-либо из их семьи.

«Я знала, что мой старик не захочет покидать то, что всю жизнь в трудах построил. Ему не страшны даже угрозы Али», — объясняла Иванна ребятам, пока платочком вытирала запотевшие стёкла в машине, чтобы лучше было видно Сараево, окутанный тишиной и снегом.

Слободан сердито посмотрел в зеркало заднего вида, и встретился глазами с Ненадом. Тот указал ему на грудь Иванны и подмигнул. Слободан продолжал вести машину молча.

— Говорят, в Баня-Луке от радости стреляют.

— И им надо когда-то пострелять.

Снежинки кружились и слепили глаза, а ветер подгонял их, как будто провоцируя непогоду.

Вдоль дороги шла женщина. Она была одета в новенькую военную ветровку, мужские штаны из толстой чёрной ткани, голова замотана в чёрный вязаный шарф. Женщина плелась за ушедшей далеко вперёд колонной беженцев. Несмотря на то, что её пальцы замёрзли и онемели, она не выпускала из рук синюю пластмассовую бочку, в которой обычно вкасят капусту, будто в ней хранились величайшие ценности из родного Иляша. Иногда она глубоко вздыхала, но упорно продолжал подниматься по заметённой снегом дороге в гору.

— Посмотрите на эту сумасшедшую, — Иванна показала на женщину в ветров-

ке, намекая на её синюю бочку с чёрной крышкой. — Ей пришлось всё бросить здесь, зачем она тащит с собой эту бочку? Дурацкая бочка...

— Когда люди оставляют свой родной дом, им становится важной каждая мелочь, — пробормотал Слободан, останавливая машину и опуская стекло. Он подзвал женщину в ветровке: — Тётя Мира, тебе куда?

— До Соколца, сынок.

— Давай с нами. Нам по пути.

Женщина тяжёлым от усталости шагом пошла к машине.

— Но у нас нет места для бочки. Придётся оставить здесь.

— Но я, сынок, не могу её оставить.

гнавших корову, женщины с ребёнком на руках, мимо беды и несчастья...

А машина всё ехала и ехала. Пассажиры весело переговаривались, курили травку и попутно рассуждали о женщине в военной ветровке с синей бочкой.

— Ты знаешь эту сумасшедшую? — любопытно спросила Иванна Слободана.

— Ага, — сухо ответил он. — Её сын Предраг воевал со мной.

— А где он сейчас?

— Погиб у Чекрчичей в начале войны.

Ивана ничего не сказала, только вздохнула тяжело, словно ей не хватало места.

— Давай её выбросим, на что она ей?

— Не смейте! Я обещал ей, и бочка вам не мешает. Что вы прикальваетеся?!

сказать спутникам то, что там увидел. Слободан остановил машину, и все четверо стали пялиться в бочку. Девушки вскрикнули от страха и обнялись; парни переглянулись. Ненад аккуратно закрутил крышку. Слободан развернул машину и поехал назад вниз с горы. Тётю Миру они увидели недалеко от Враца. Она сильно отстала от колонны, но шла тяжёлым от усталости шагом. Не сдавалась.

Иванна пересела на переднее сидение к подвинувшейся Сане, а тётя Мира села между Ненадом и своей бочкой. Пять километров они ехали молча, радио выключили. Наконец, Слободан, не отрывая взгляда от дороги, пробубнил:

— У нас нет места и для Вас, и для бочки.

— А ты, Слободан, возьми бочку и довези до Соколца, до автобусной станции, а я как-то сама доберусь.

Слободан поставил бочку на заднее сидение рядом с Иванной и Ненадом, удивлённо пожмая плечами.

— Она будет ждать вас на въезде на автостанцию.

Автомобиль продолжил свой путь к Пале, рыча двигателем. Они ехали мимо застрявшего автобуса с разбитыми стёклами, мимо человека с тележкой с домашним скотом, мимо деда с бабкой,

— А что если мы посмотрим, что там внутри? Что ж там, в бочке, раз она с ней так носится.

— Не надо.

— Отстань, Слободан, — вмешалась Саня. — И мне интересно, что там внутри. Не будь таким буквой.

Ненад поймал взгляд друга, опять глазами указал на декольте Иванны и озорно подмигнул ему. Слободан разрешил.

— Ладно. Ненад, открой.

Ненад открутил чёрную крышку и заглянул в бочку. Парень только вздохнул. Тяжело. Он не мог найти слова, чтобы

— Это Предраг?

— Ага, — ответила Мира.

— Почему так?

— Не было денег ни на гроб, ни на грузовик с могильщиками, но и оставить его там не могла, чтобы мусульмане на его костях здания строили. Сама его выкопала, и у меня была только вот эта бочка для кислой капусты.

Саня тяжело вздохнула, снова повисла тишина, и новенький серый «Гольф» растворился между склонов Требевича на дороге к Пале, Соколцу и Белграду.

Мелкий снег засыпал следы его колёс.